

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Константин
Симонов**

**Под каштанами
Праги**

Константин Михайлович Симонов
Под каштанами Праги
Серия «Библиотека
драматургии Агентства ФТМ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9745249

*Под каштанами Праги:
ISBN 978-5-4467-2320-1*

Аннотация

В пьесе «Под каштанами Праги» последние дни Второй мировой войны сосредоточились на пяточке дома Франтишека Прохазки, ученого, доктора медицины, на свой страх и риск прекратившего врачебную практику на все время оккупации Праги гитлеровскими войсками, чтобы, не дай Бог, не вылечить ни одного немца. Внятность его гражданской позиции выразилась также и в том, что еще в самый разгар войны он героически прятал в подвале своего дома русского парашютиста. Но, в отличие от остальных героев пьесы (будь то русский офицер, или собственная дочь, вышедшая из концлагеря), пан Прохазка не делит мир на черное и белое, и гостеприимно привечает в своем доме людей нового и старого мира. Главный нерв произведения составляет столкновение мировоззрений противоборствующих сторон: с одной стороны – детей Франтишека Прохазки, Стефана, с самого начала войны

ушедшего воевать в русскую армию и Божены, заключенной в концлагерь за пощечину, которой она ответила на грубость немецкого офицера; с другой же – его пожилых друзей, с горечью переживающих закат старой буржуазной Европы и скорее с опаской, чем с воодушевлением встречающих наступление эры развитого социализма.

Константин Симонов, сам прошедший всю войну в качестве военного корреспондента, не только воссоздает живые детали исторического события глазами очевидца, но прежде всего, передает противоречивую атмосферу настроений тех дней: с одной стороны, всеобщий праздник, надежду и предощущение счастья, с другой – порожденную войной крайнюю мнительность и неослабевающую тягу искать врага: «Люди идут по улицам. Более или менее одинаковые люди, и на них более или менее одинаковые шляпы, очки, перчатки. А вот за какими очками прячутся глаза фашиста? Под какой шляпой голова, думающая о том, как повернуть все обратно?» А как известно – кто упорно ищет врагов, тот всегда их найдет. Пьеса с ярко выраженной антифашистской идеей не имеет привязки ко времени, но актуальность «Под каштанами Праги» многократно усиливает ее пригашенная патетика и попытка признания возможности существования разных взглядов на жизнь.

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	7
Картина первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Симонов

Под каштанами Праги

Драма в четырех действиях, пяти картинах

Действующие лица

Франтишек Прохазка – доктор медицины, ученый; еще не старый, несколько лет назад овдовевший человек, представительный, благообразный, бритый.

Стефан – его сын, капитан чехословацкого корпуса, 26 лет, **Божена** – его дочь, 26 лет; они близнецы.

Людвиг – его младший сын, 17 лет.

Ян Грубек – университетский товарищ Франтишека, хорошо одетый седой человек, одних лет с Франтишеком.

Богуслав Тихий – известный поэт, знакомый и сосед Прохазок, лет 45, обрюзгший и несколько опустившийся. Одет небрежно.

Иван Алексеевич Петров – полковник, командир авиадесантной дивизии, 38 лет, с глухой повязкой на левом глазу.

Гончаренко – шофер Петрова, старшина, 30 лет.

Маша – русская девушка, 21 год.

Юлий Мачек – жених Божены, врач, владелец клиники, 35 лет, довольно красивый.

Джокич – черногорец, седой человек, на вид лет 60. Слепой.

Офицер Национальной гвардии.

Национальные гвардейцы.

Место действия – Прага.

Время действия – май 1945 года.

Действие первое

Картина первая

*Холл в доме Франтишека Прохазки на окраине Праги. Раздвижные стеклянные двери: прямо – на веранду, налево – в другие комнаты; направо – дверь в прихожую. Лестница, ведущая из холла на верхний этаж. Два кресла и столик у камина. Шкаф. Рояль. Большой диван, низкий круглый стол. Несколько глубоких современных кресел, качалка. Дубовые панели. На стенных полках образцы народного чешского и словацкого искусства: керамика, акварели Праги. Вечер. Начинает темнеть. Когда открывается занавес, слышен шум мотоцикла. На сцене **Франтишек** и **Людвиг** в настороженных позах.*

Франтишек (облегченно). Не к нам. Ян! Ян! Грубек!
Не к нам.

Грубек (выходя из шкафа). Нет больше спокойного места на земле. Только два дня я тихо прожил в твоём доме.

Людвиг (высовываясь в окно). Он подъехал к дому пана Тихого.

Пауза.

Это гестапак. Он ударил ногой в дверь. Входит...

Франтишек. Неужели они его арестуют и в третий раз?

Грубек. Сейчас они если арестовывают, то уже не выпускают.

За сценой слышен выстрел.

Франтишек. Боже мой! (*Закрыв лицо руками.*) Они убили его, лучшего нашего поэта... Боже мой!

Людвиг (*мечется по комнате*). Сволочи, сволочи!

Франтишек. Куда ты?

Людвиг. Туда, я...

Франтишек (*ловит его за руку*). Ты никуда не пойдешь. Ты у меня остался один. Из троих! Не пойдешь! Никуда!

Распахивается дверь – и входит Тихий. Он в халате. У него растерзанный вид. Он держит впереди растопыренные руки.

Тихий. Дайте мне вымыть руки. Скорей! Людвиг!

Людвиг борет со стола графин с водой.

Лей!

Франтишек. Зачем же на ковер?

Тихий. Все равно. Лей!

Людвиг льет воду ему на руки.

Я убил его. Я писал. Он пришел. Я ударил его чернильницей. Знаете мою чернильницу?

Франтишек. Знаю.

Тихий. Я ударил. Он упал. Он выстрелил, когда падал. Я его еще раз ударил. Я его убил. Сволочи! Они в тридцать девятом году приходили ко мне вшестером, в прошлом году – втроем, а сегодня пришел один. Я его убил. Убил и за-

пер. (*Озирается. Подходит к гардине и вытирает об нее руки.*) Я буду прятаться у вас. Ну их к черту! Вы боитесь?

Франтишек. Нет, я не боюсь.

Тихий (*в сторону Грубека*). А это кто?

Грубек. Ян Грубек.

Франтишек. Мой самый большой друг юности. Он прячется у меня третий день.

Тихий. Как крысы.

Франтишек. Что?

Тихий. Как крысы. Прячемся. Надоело быть крысой!

Пауза.

Грубек. Вашу руку! У вас кровь на халате. Нужно...

Тихий. Да. Хорошо. (*Снимает халат.*) А вы откуда бежали?

Грубек. Я из Моравской Остравы.

Тихий. Разве русские еще не там?

Грубек. Я бежал, еще когда там были немцы. Я перебрал в памяти всех и вспомнил Франтишека. В юности мы были другими людьми. Мы не были крысами. Я подумал, что он остался таким же...

Франтишек. И ты не ошибся.

Грубек. Подождите, немцы же будут искать этого, убитого. Сегодня же...

Людвиг. А может быть, и нет. Им сегодня не до того. Здесь тоже скоро будут русские. И потом, сегодня...

Франтишек. Что сегодня?

Людвиг. Ничего.

Грубек. Подождите, а мотоцикл?

Тихий. Что – мотоцикл?

Грубек. Мотоцикл-то стоит у ваших дверей?

Тихий. Ах да. Заведем его в гараж! Людвиг!

Франтишек. Не вмешивайте в это дело мальчика.

Тихий. Хорошо.

Людвиг (*идя за ним*). Нет, я вам помогу.

Франтишек. Я тебе запрещаю это, Людвиг.

Людвиг. А я пойду. (*Выходит вслед за Тихим.*)

Франтишек. Они делают, что хотят. Стефан бежал в Россию, этот отвык спрашивать о чем бы то ни было. А ведь он у меня последний. Пойми – последний!

Пауза.

Божена в лагере.

Слышны шаги на лестнице.

Грубек. Кто еще?

Франтишек. Это, наверное, Юлий. Жених Божены. (*Смотрит на часы.*) Да. Он всегда приходит по субботам в девять, каждую субботу с тех пор, как Божену увезли в лагерь.

Пауза.

Женщина, молодая, красивая, уже два года сидит в лагере только за то, что она в кафе ударила по физиономии немецкого нахала.

Входит Мачек.

Познакомьтесь, Юлий.

Мачек. Мачек.

Грубек. Ян Грубек. Как видите, в этом доме завелась еще одна крыса.

Мачек. Если вы – тот самый пан Грубек, о котором, вспоминая юность, мне столько раз говорил пан Прохазка, то я...

Грубек. Тот самый или, вернее, был тем самым.

Мачек. От Божены ничего?

Франтишек. Ничего. Они не дают ей даже писать. Какая она стала, Юлий, что с ней?

Мачек (*заметив лужу на ковре*). Что это?

Франтишек. Это... здесь мыли руки.

Мачек. Почему здесь?

Франтишек. Тихий. Его пришел арестовать гестапак. Он убил гестапака. Он будет прятаться у нас.

Мачек. Почему у вас? Почему у вас? Что вы в конце концов должны... (*Смотрит на Грубека.*)

Грубек (*поймав его взгляд*). Вы хотите сказать: довольно того, что я здесь прячусь?

Мачек. Нет... я не хочу этого оказать... Впрочем, да, я это и хотел сказать. (*Франтишеку.*) Вы – отец моей невесты. Я обязан думать о вас. И буду, хотите вы этого или не хотите.

В дверях появляются две женские фигуры. Это Божена и Маша. Они обе одеты в отрепья. У Маши ноги обмотаны тряпками. Она едва идет. Не обращая ни на кого внимания, Божена подводит ее к качалке и усаживает.

Божена. Сейчас я прямою тебе ноги. Как ты себя чувствуешь?

Маша. Ничего.

Божена. Ты всегда говоришь: «ничего». Очень больно?

Маша. Нет, ничего.

Мачек (*подходит к ним*). Что такое? Откуда вы?

Божена. Юлий, неужели даже голос мой так изменился, что вы не узнаете меня? Неужели я так стара и ужасна? Подождите до завтра, я вымоюсь, приведу себя в порядок. Может быть, тогда вы узнаете меня. Здравствуй, отец! (*Пройдя мимо Мачека, подходит к Франтишкеку.*)

Франтишек бросается к ней, обнимает ее.

Ну, хорошо, довольно. Я очень рада тебя видеть. (*Садится в кресло, спокойно.*) Очень жаль, Юлий, что вы не узнали меня.

Мачек (*подходит к креслу ее, становится на колени*). Я просто не посмел поверить. Вы разрешите мне хоть поцеловать ваши руки?

Божена. Конечно! Эту. Мы там отвыкли от того, что нам можно целовать руки. А теперь ту. Довольно.

Мачек. Я так счастлив.

Пауза.

Божена. Принесите таз с водой. Надеюсь, у вас идет горячая вода?

Франтишек. Да.

Божена. Принесите таз. Мне нужно обмыть ноги этой де-

вушки. Вы слышали?

Мачек уходит.

Франтишек. Божена, родная! *(Подходит к ней.)*

Божена. Не надо, отец! Мне бы не хотелось заплакать сейчас. Познакомьтесь. Это Маша, русская девушка. Мы с ней бежали из лагеря. Она сделала так, что мы бежали. Пойди поцелуй ей руку.

Франтишек хочет поцеловать руку Маше.

Маша *(отдергивая руку)*. Нет, нет...

Божена. Отец, поцелуй ей руку. *(Грубеку.)* Вы чех?

Грубек. Да, я чех.

Божена. Поцелуйте ей руку, раз вы чех.

Грубек. С большой радостью. *(Подходит к Маше, целует ей руку.)* Ян Грубек.

Маша. Маша.

Божена. Отец, принеси свои инструменты и марганец. Будь любезен.

Франтишек. Вы натерли ноги?

Божена. Она не натерла ноги. Ее просто... Пойди принеси марганец.

Франтишек уходит.

Больно?

Маша. Ничего.

Божена. Опять это «ничего». Мне иногда казалось, что весь русский язык состоит из одного этого слова. *(Становится на колени перед Машей, начинает разбинтовывать ей*

ноги.)

Входят Мачек с тазом и Франтишек.

Дай сюда, отец! Нет, я сама, у тебя слишком грубые руки.

Пауза.

Ну, как вы тут жили, Юлий? Часто ли вы вспоминали меня?

Франтишек. Он бывал здесь каждую субботу.

Божена. А я вспоминала вас по воскресеньям. Когда нам выдавали праздничный пакет – двадцать пять граммов колбасы, я всегда вспоминала вас. Вы ведь любили покушать. Но не завидуйте, это была скверная колбаса.

Пауза.

Значит, у вас идет горячая вода?

Франтишек. Да. Я уже сказал тебе.

Божена. Это очень важно. Я вспоминала о ней даже чаще, чем о вас, Юлий. О вас я вспоминала только по воскресеньям, а о ней – каждый день. Вот я и промыла. Маша, почему ты никогда не скажешь: «Ой»?

Маша. А зачем?

Божена. Чтобы я знала, что тебе больно.

Маша. А зачем?

Божена. Вот так всегда. Посмотри, отец!

Франтишек (*становится на колени*). О!

Божена. Что?

Франтишек. По крайней мере, неделю в бинтах.

Божена. Ну что ж, она полежит здесь неделю в бинтах.

Мачек. Может быть...

Божена. Что «может быть», мой дорогой?

Мачек. Может быть, мы придумаем что-нибудь лучшее.

Божена. А чего же лучше? Хороший дом. Отец – врач.

Я тут.

Мачек. Да, но можно придумать что-нибудь более благо-
разумное, может быть...

Маша. Может быть, и в самом деле я куда-нибудь...

Мачек. Может быть, я найду прекрасное место...

Божена. Может быть, вы замолчите?

Мачек. Я только из благоразумия.

Франтишек. В каждом доме свое благоразумие. В мо-
ем – мое. (*Маше.*) Дайте другую ногу. Вот так. Знаю, что вам
больно. Вы – молодец!

Божена. Нет, сейчас ей еще не очень больно. Когда ей
очень больно, она поет.

Грубек. Что поет?

Божена. Разные песни. Поет, чтобы никто не думал, что
ей больно.

Пауза.

Где Анна?

Франтишек. Анна ушла. Ухаживать за детьми своего
брата. Его казнили.

Божена. Кто же теперь у нас?

Франтишек. Никого. Мы с Людвигом. Делаем все сами.

Божена. Ах, как жаль! Анна так прекрасно подавала ко-

фе в постель! У нас всегда было такое хрустящее белье.

Грубек. Анна... Я помню ее двадцать лет назад совсем молоденькой...

Божена. Боже мой, пан Грубек, я только сейчас сообразила, что вы – это вы. Детство... как это было давно... Вы живете у нас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.